

Я пою, когда готовлю завтрак.

Я люблю музыку, которая начинается в животе, низким звуком. Потом идёт вверх торжественно, медленно, через скандинавские согласные. Они как ступени в скале – такое затруднение, которое помогает подняться.

Пахнет кофе и шкварчит яичница.

Фотоаппарат стоит на штативе.

Фото моего завтрака в инстаграме с хэш-тэгом #фудпорн. Цвета: коричневый, бежевый, белый, жёлтый, зелёный.

Посуда керамическая. Киви зелёный.

Овсянка: молочно-бежевый. Яйца: с круглыми желтками на маленькой сковородке. Кофе с молоком.

Старая кофемолка с кнопкой, которую надо прижимать пальцем. Не попадёт в кадр. Кофе заливаю водой. Ставлю на маленький синий огонь. Помешиваю. Медленно вливаю молоко. Кладу сахар. В моей голове я – прекрасная женщина в зелёном платье на вершине горы. Я всё ещё пою.

Выключаю фотоаппарат. Вкусно ем.

Начинается мой рабочий день.

На работу не иду. Работа в Интернете.

Обычно переспрашивают: так ты дома работаешь?

Нет, интернет – это не дома. Если представить его как здание, то этажи идут во все стороны, а в них другие этажи. Никаких стен. Внутри мы носимся на горизонтальных и вертикальных лифтах, лифты вместо квартир. В одном из них сижу я.

Сжимается и вибрирует синий лимончик скайпа, оттуда мне капает деньги.

– Здравствуйте... Мы не совсем поняли из вашего профиля на фриланс... как к вам обращаться, Lady Rat? Это же переводится как Леди Крыса?

– Ника. Просто Ника

– Очень приятно, Ника. Меня зовут Мария. Я представляю компанию... то есть в данном случае я представляю бизнесмена... об этом позже. Опишите как можно

подробнее ваши навыки и места предыдущей работы.

– Я всегда работала в интернете.

– Таак... а компания?

– Без компании.

– У вас образование есть профильное?

– Один парень организовал проект, и меня взяли нубом. За то, что хорошо писала. Проект был большой, на нём я всему научилась.

– Иии...?

– Так всё началось.

– Что началось?

– Seo, контекстная и таргетированная реклама, smm, контент-маркетинг.

– А поконкретнее? Нас заинтересовали представленные в вашем портфолио проекты, но непонятны ваши компетенции...

– Давайте так: вы расскажете задачу, и я конкретнее объясню, что смогу сделать и какой у меня в этом есть опыт. Цена, наверно, интересна?

Она ничего не понимает. Она секретарша. Заказчики пытаются нас померить, как картошку в магазине. Вместить в понятные измерения. Цена. Опыт. Навыки. Сроки. ...В интернете чем непонятнее звучат навыки, тем выше цена. Опыт измеряется не годами, а названиями. Сроки в интернете бессмысленны. Тут всё происходит сейчас. *Поэтому можно называть любые.*

Мария говорит:

– Я передам всё, что вы сказали, шефу.

Я сомневаюсь, что этот звонок превратится в заказ. В интернете люди должны знать, что они хотят, чтобы это получить. Но уведомление получаю в тот же день. Несколько вежливых фраз и приглашение на звонок с шефом. Зовут его Павел Дрозд.

* * *

– Меня зовут Павел.

– Я знаю.

Что я – его все знают. Выглядит, как персонаж американских фильмов времён депрессии. Умные уставшие глаза, породистое лицо. В фильме у него были бы

виски и сигара, но на моём экране он пьёт чай в обычной сетевой забегаловке. Наверно, в той, что была ближе к машине, застрявшей в московской пробке.

В камеру смотрит профессионально, в глаза. Не на экран и своё в нём изображение, а в точку размером с игольное ушко на верхнем краю монитора. Причём кажется, будто именно там он меня и видит. Что туда поместилась вся крошечная я.

Говорит чётко, по делу.

– Задача: найти девушку мечты.

– В смысле?

– В прямом.

– Девушку мечты в прямом смысле?

– Совершенно верно. Я подготовил

ТЗ...

Я подавила смешок, закашлявшись. Кашляя, в самом деле давлуюсь кофе. Вот она я – сама естественность.

Беру себя в руки:

– Расскажите подробнее, чем я Вам могу помочь в рамках своей специализации...

У всего, однако, есть пределы. У меня что, где-то в профиле написано: сводня? Секс-услуги, гадаю, ворожу, порчу навожу? Даже и для селебрити.

– Давайте начнём с начала, я вижу, что вы меня сейчас не понимаете. Сосредоточьтесь. Я – Павел. Я ищу девушку мечты. У меня очень много денег.

В этот момент я удачно вспоминаю, что у меня предоплата. Этот час будет называться «консультация». Выглядит, конечно, слегка... ээ... непрофессионально? ...или как это... неэтично? Неэтично – это если бы у парня был заказ, за который я взяться не могу... В силу, скажем своей некомпетентности. Но тут... М-да. Много ли у меня компетентности в вопросе поисков любви? Да нисколько. В арсенале короткий неудачный брак. Без поисков, одноклассники. Год пельменей, и мы не поняли друг друга. Он уехал учиться в Америку. Если вернётся поливать слезами берёзки, то я тут точно ни при чём. Он сказал, с такими, как я, больше связываться не будет. С тех пор думаю, такими – какими?

– У меня несколько бизнесов. Производство, общепит, торговля, франшизы... e-commerce съедает хороший кусок. Для интернета у меня своя команда. Воспитали «инхауз». Пользуемся услугами

агентств, но больше технологиями, чем людьми...

...тогда зачем ему я, если у него и так команда? Хочет схантить? Странный мужик. Кому нужны фрилансеры на работе?

Это как завести себе диких уток в надежде заставить яйца нести. Моя бабушка как-то завела. Отдали потом за бесценок. Они даром ели хлеб всю зиму, а весной улетели.... Половину всё-таки нашли через два двора у соседей. Я тогда спросила: «Бабушка, а что, домашние утки не умеют летать?» Бабушка задумалась: «Да умеют, наверно. Просто не знают, что можно». Вот это и есть разница между фрилансерами и офисными работниками. Фрилансеры знают, что можно. Это их портит.

...Значит, с работой не сойдёмся. Но время-то тикает. Психоаналитики, наверно, так деньги получают. Слушают. Может, пойти в психоаналитики?

– ...То есть я в теме. Очень конкретно в теме, что сейчас умеют технологии и что не умеют.

(Ещё бы не в теме. Ну давай, давай, миленький, про любовь.)

– Технологии знают про человека больше, чем кто-нибудь. Чем он сам себя знает.

Задача найти себе партнёра – одна из самых важных в жизни. И тем не менее именно в этой задаче у людей чаще всего случаются фак-апы. Ладно бы только у глупых, обычных людей, которые по жизни обречены быть овцами. Хуже всего лажают именно умные ребята. Смотришь со стороны: мозг у них как бы отключается, и полжизни псу под хвост... Я сказал псу? Какой-нибудь дешёвой сучке. То, что должно быть вдохновением, поддержкой, опорой превращается в полную... (Киваю. Наслаждаюсь ничегонеделанием. Переключаюсь на свой паблик ВКонтакте, проверяю статистику) – ...а технологии знают. Любой маркетолог знает про сучку больше, чем муж. Знает, пользуется. А тот, умный, платит. За шубку, айфончик, что вы там последнее рекламировали?

Я быстренько переключаюсь на скайп, как будто он может видеть мой экран:

– Кредиты в банке Козлофф.

– О, точно. Прекрасно. Наш лошок залезает в кредит благодаря знанию тупых алгоритмов тупой психологии сучки. И всё, теперь у него к узам брака ещё узы ипотеки. А с этим уже и не разведёшься так просто... Я отличаюсь от других только тем, что

отношусь к одному из самых важных выборов в жизни не более безалаберно, чем к рутинной сделке в бизнесе.

Он замолкает. Перестаёт выглядеть деловым и успешным. Скосил немного одним глазом. Не своим, пацанским каким-то голосом говорит то, почему я в итоге соглашаюсь:

– Для меня очень важно, жизненно необходимо найти близкого человека.

Он думает то, что сказал. Седина его красива и жестка, как дорогой мех. Седина – такая ранняя, узнаваемая его черта, ему ведь всего-то тридцать два.

* * *

Я часто перевожу взгляд из окон Windows на окно в осень прямо за ноутбуком. Смотрю на золото и дым. На игрушечные самолётики, кукурузники, на лес, полосатое поле, деревянные домики, разбросанные с краю, как опилки от наточенных цветных карандашей... Я сняла эту квартиру на самом краю самого края Москвы на самом высоком этаже самого высокого дома, и живу здесь, как в башне.

Для работы у меня есть ещё любимая кофейня внутри Садового кольца, чиллаут на Воробьёвых горах и лес рядом с домом. В лесу пруд и утки. До пруда дотягивается wi-fi из кафе, где я была лишь однажды. Ела плохо прожаренный шашлык с разбавленным пивом. Было солнечно и холодно, и поход в это кафе был мне самой от себя подарок за успешно сданный проект. Работать в парк я хожу, когда не комариное лето или тёплая осень, как сейчас. Я могла бы работать там и в мае, но в мае у меня сносит крышу. Работать не могу, уезжаю на край света в поход и там влюбляюсь. Иногда это кончается смутными надеждами, которые рассасываются где-то к середине июля и всегда тем, что у меня много друзей далеко и ни одного близко.

Пароль от вайфая в кафе никогда не меняют. Сейчас лучшее время смотреть за утками. Мне это приносит вдохновение. Я достаю раскладной стул, плед и термос с кофе.

Понедельник.

Это очень неспешный день. В парке никого нет. Утки плывут по самой середине медленно, у них тёмные глаза, готовящиеся к перелётной дали, тяжёлое сильное тело. Под водой тянется за ними трава с

отражением низких облаков. Я вкладываю белую таблетку наушника в ухо и включаю современную классику. Теперь я готова и буду работать целый час. Или два. Дольше без перерыва не умею. Выкурю сигарету, затягиваясь сырым воздухом и вкусной гарью. Потом, может быть, брошу. Но «потом» пока не наступило. Здесь всё происходит сейчас. Тексты у меня получаются лучше всего, но за них меньше всего платят. Поэтому я умею покупать шаблон, ставить его на тильду или вордпресс, вставлять туда эти тексты, и они превращаются в «контент». А всё вместе это называется «делать сайты». За это платят в разы больше, чем за текст. Или можно превращать текст в продвигаемые рекламные посты, размещать их через smm-сервисы сразу в нескольких соцсетях. Это называется «smm-продвижение».

Павел, в отличие от большинства клиентов, понимает, что самое главное и сложное из этого – написать текст. Создать идею. Вообще, для селебрити он слишком много всего понимает. О нашем деле, в частности. Ясно, что другие бизнесы его обязывают, конечно, но и у меня, оказывается, стереотипы. Всё время кажется, что он вот-вот представит мне технического специалиста, серого кардинала, умного парня, который всех пасёт.

Нет такого парня.

В этом месте, кхе, приходится вспоминать, что руководителем нового проекта он назначил меня. Не то, чтобы я никогда не бывала руководителем проекта ... но то было из серии «я и пахарь, я и жнец, я и на дуде игрец». А теперь есть кому меня слушаться.

Руководитель я потому, что Павел считает контент и идею ключом успеха. Ключ я вложила ему в руки смиренно, мысленно надев своё зелёное платье женщины-тролля, за которую я пою.

Короче, выдав свою идею за его. Я почувствовала, что вариант не заработать маржи для фирмы на этом проекте имеется, но он скучен. Особенно человеку, у которого бизнесы успешно и неромантически размножаются, ежегодно прибывая в маркетинговым бюджете и прибыли.

Итак, мы решили сделать сайт знакомств. Фишка такая: вместо анкеты – мини-ролик. Профессиональная группа из режиссёра, гримёров, оператора и фотографа выезжает на съёмку к деве.

Чтобы девы не стеснялись, поначалу мы мимикрируем под самый популярный существующий сервис, в котором они уже зарегистрированы. Говорим, что тестируем новый функционал. Персонально каждую мы приглашаем на Betaверсию. Первые 500 человек бесплатно. Индивидуальное спецпредложение и приз победительнице. Если тема заходит, мы проект монетизируем, нет – сворачиваем.

500 x 3000 р = 1 500 000 р. Полтора ляма на съёмку, стало быть. Не спрашивайте, почему так дёшево, у меня свои люди везде. Рекламные расходы отдельно. Максимально таргетируемые каналы. То есть чтобы наши приглашения на тест показывались и рассылались только самым-самым. Мы примерно представляем, что наша избранница кушает, слушает, покупает из косметики и из книг. Где может работать и учиться. Какой у неё распорядок дня. Чем руководствуется при принятии решений.

Вот вроде бы и доступна вся информация о человеке. А всё-таки можно совершенно не переживать за свои персональные данные. Интернет быстро считывает как раз всё не-персональное. Чтобы ваше движение стало заметным, много людей должны делать одно и то же, чтобы попасть в шаблон. Чтобы этот паттерн заметил робот и мы стали им использоваться.

Вот с этими возникли проблемы. Впервые вылезло с внешностью. С этого начали. Ищет мужчина. Ищет женщину. Чтобы фото профиля избранницы было похоже на желаемое, нам нужно было набрать обучающую выборку для машинного обучения. Откатить все фотошопные приёмчики, уловить суть. Это как раз у роботов хорошо получается – всё, что сделано машиной, машина понимает лучше человека. Проблема в другом.

Честно – Павел большой привереда. Одна-две нравятся, остальные, скажите пожалуйста, «страшные». А нам, чтобы выборку сформировать, нужно много. Очень много.

Начинаешь выяснять, почему страшные-то? Детский сад. Вот, например, ему не нравятся все девушки с причёской, которая открывает уши. «Как училка», – говорит. Я не поленилась, раскопала в светской хронике фотографии его мамы. Так и есть. Уши закрыты. Лицо узкое, чуть вытянуто, очевидно, женщина никогда не

стриглась по-другому, чтобы скомпенсировать черты лица. Я и говорю: Паша, давай прогоним всех через фотофильтр и закроем уши. Он стоит на своём: мне нравятся вот эти две, и не надо меня анализировать. И смотрит на меня с подозрением, с нехорошим прищуром.

Я тут же перехотела быть психоаналитиком.

Тогда дата-сайентист проекта, парень, которые настраивает наши электронные мозги, сказал, что сейчас будем комбинировать мутантов из этих двух, чтобы была достаточная обучающая выборка. Но чтобы потом никаких претензий.

Павлу про мутантов, понятное дело, не понравилось.

Психанул было, хотел убрать внешность из параметров. Потом опомнился. Тоннами смотрел картинки девчонок, кликал. Набрали выборку, с грехом пополам.

Ему нравятся задорные, веснушчатые. Со вздёрнутыми носиками, худышки. Брюнеточки с большими глазами и резкими скулами, блондинки с короткой стрижкой, похожие на мальчишек. Ему нравится, когда есть твёрдость во взгляде, нацеленность в одну точку, внутренняя собранность. Ему не нравятся модельные фото. Нравится, когда у девушки есть дело, искреннее увлечение. И нужна при этом уязвимость, детскость, нежность. Ему нравятся те, у кого есть вкус. Не то, что слизано из журналов, а врождённое чутьё на сочетание цветов, правильность линий, единый образ.

Короче, губа у него не дура, и сам он не дурак.

Только такие девушки не сидят на сайтах знакомств. Когда я начала это понимать, когда пошли первые конверсии и я начала их обзванивать, я пришла в ужас. Это не то, не то, совсем не то. Это, блин, эскорт, а не девушка мечты. Такие стоят на каждом шоссе по рубль пачка и оттого, что на сайте знакомств предлагают себя бесплатно, лучше не становятся.

Думай, Ника, думай. По опыту знаю, что, если проблема не решается в лоб, надо её обмануть. Сосредоточиться на чём-то ещё, следить краем глаза. Я встала, положила ноутбук на свой складной стульчик. Пошла к воде. Пальто моё от долгого сидения на пластике отсырело и пахнет шерстью. Вдоль дорожки растёт

снежнаягодник белый, куст с белыми лопающимися ягодами. В детстве мальчишки любили их рвать, лопать или давить ногами на асфальте. А девочки прикладывали веточку с двумя ягодками к уху и говорили: «Это сеёжки». Я сорвала две ягодки, бросила на тропинку, раздавила. Я всегда играла с мальчишками.

Близко лес, пахнет водой. Ветерок холодит щеки. Лес шуршит. Зелёные пучки травы в жёлтом ворохе, в котором уже полно коричневого. Трава ещё держится. Серые ступени к воде, листвы наметено по углам. Воронье карканье, на тон выше – грачи? Вот бы оказаться теперь – далеко, далеко, далеко...

«Надо расширять таргетинг», – вот что думаю я. Использовать все доступные ресурсы и источники данных. Тогда мы не будем ограничены сайтами знакомств. И географией не будем ограничены, ведь у сайтов знакомств аудитории больше в крупных городах.

Я подпрыгиваю. Иду обратно к своему стулу, хулиганю, пинаю шуршащее золото. Небо опрокинуто в синь высоко. Чисто, холодно. Хорошо всё-таки быть умной.

* * *

А теперь пришла зима. Работы по-прежнему много, но проект никуда не двигается. Я работаю только на Павла. Не беру ничего нового и, кажется, начинаю превращаться в домашнюю утку, исправно несущую яйца.

Сайт успешен. Начал окупаться, потому что Павел на лету схватывает бизнес-идеи. После моих замечаниях об «эскорте» с отбракованными девушками всё-таки отсняли видео. «Нехорошо их обманывать», – сказал Павел с улыбкой старого лиса. Видео использовали в продвижении нашего сайта знакомств нового формата, он стал быстро наполняться мужчинами. Видео-анкеты вошли в оборот. На всём этом ядовитой плесенью тут же расцвел соответствующий сервис. Обслуживание потребностей мужчин онлайн. Хороший процент идёт сайту.

Я иду на йогу.

Позвонила мама и сообщила, что ей не всё равно, чем я занимаюсь.

– Ты меня не слушаешь.

Рука с телефоном мёрзнет без перчатки. Скоро начнётся поздний рассвет

и зима под гжель: отпечаток белого ствола березы на ярком тёмно-синем небе.

– Дочь! Имей в виду, когда ты молчишь, все думают самое плохое!

Я молчу большую часть своей жизни. Общаюсь много только в интернете, где я – текст.

– В последнее время с тобой очень сложно стало. Ты совсем не думаешь о родственниках...

– В последнее время я развелась, мама.

Когда говоришь что-то вслух, смысл сморщивается. Эмоция замещает его, все слова становятся глаголами. Попыткой уколоть, попыткой защититься. Из всех возможных фраз в диалоге хороши вопросы:

– Как ты себя чувствуешь сегодня, мама?

– Ты купила то лекарство, мама?

– Ты сильно устаёшь, мама?

Две белые лохматые собаки стоят на сугробе, дышат. Пар из их пасти кажется особенно густым на синем. Я начинаю думать о родственниках, как приказала мама, и понимаю, что все они больны и несчастны. Все люди вокруг больны и несчастны. Достаточно один раз проехать в общественном транспорте, чтобы узнать это.

Я люблю ходить пешком. Я чувствую ответственность за свою жизнь. Не верю, что кто-то может меня привезти туда, куда мне надо.

Путь до занятий йогой занимает полтора часа. Это шесть километров. Хожу туда теперь каждый день. В йоге меня учат использовать тело, как способ думать. Голова от обилия сведений становится свалкой. Если знания не перерабатываются, вываливается: смотрите, что тут у меня есть, похвалите меня. Человек рвётся, как решето, и представляет из себя дыру. Надо учиться жить, пропуская через себя весь поток информации и оставаясь целым. На йоге учитель говорит: «Гордость души – яд, которым отравлена чаша. Можно чашу перевернуть, и тогда ничего в неё не вольется. В чаше может быть трещина сомненья, через которую будет выливаться любое знание. Но хуже всего, когда на дне яд – гордость».

Я стою на голове. Я всегда думала, что я перевёрнутая чаша. Но оказалось не так.

Со всеми своими знаниями и умениями я могу сделать что угодно, но не

могу достать для Павла одного живого человека. Что меня в этом так задевает?

Ну в конце концов, за что мне платят? Чтобы найти любовь? Вряд ли. За любовью обращаются к сутенёрам. Эта сделка мне не стыдна, но – мала. Я хочу купить душу.

Секрет: настоящий профессионал никогда не работает за деньги. Работа, само собой, должна оплачиваться, но это нужно не профессионалу, а заказчику. Нужно рынку, чтобы сохранялся заведённый порядок вещей.

Профессионала заводит настоящая задача.

...Дело в том, что мы их нашли, этих девочек. Вот что печалит меня больше всего. Алгоритм сработал, когда мы стали брать всех, без учёта активного желания познакомиться. Дата-сайентист тоже учёл свои ошибки с «эскортом» и доработал математическую модель. Из того, что он мне объяснял, я поняла главным образом, что модель искала теперь то, чего не было.

В первом случае она отбирала девушек с требуемыми параметрами, но имитирующих индивидуальность, а не обладающих ею. Все эти «фотомодель, художница и певица» попадались лучше всего. Теперь их удалось вычистить путём исключения «паттернов оригинальности», как обозвал их наш математический гений. Работа в первую очередь велась по профилям соцсетей. Но также и по видео, подкастам, профилям авторов на форумах и блогах, которые удавалось привязать к информации в соцсети или резюме.

Пятьдесят.

Их сначала было целых пятьдесят, но пришлось уменьшить. Парочка беременных, десяток влюблённых, у одной рак, у двух – начальная форма шизофрении. Четыре оформляют документы, чтобы уехать из страны.

Шесть лесбиянок. Павел и дата-сайентист не хотели их выкидывать. Цыганка. Единственная сумела ускользнуть, скрыться со всех электронных устройств.

И шестнадцать Павел отбраковал по внешним параметрам. Мужчина может сколько угодно рассуждать про ум женщины, её качества и говорить, что для него это важно. Но уже после того, как ему понравилась внешность. Так и на конкурсах красоты – с финалистками уже после отбора проводят интервью, чтобы определиться окончательно.

Итого восемь. Помню каждую.

Дина. 27 лет. Огромные глазищи в ресницах, каштановые кудри, плечи тонкие, как будто чуть приподнятые «ну что вам от меня надо?» Уверенная фигурка в походных штанах и майках. Дина бросила свой ВУЗ и приехала поступать в Москву на археологию. С тех пор ездит в экспедиции, раскапывает камни и окаменелости. Её то заносит снегом в горах Африки, то про неё и коллег снимают сразу три одинаковых передачи на трёх разных языках, действие происходит в Крыму. Она в стареньком купальнике и перемазанная держит что-то вроде обломка скалы, перед ней лежит фартук с набором хитрых инструментов. Кроме археологии её интересуют фотографии. Она фотографирует звёзды и осеннюю плесень на плодах, камнях и деревьях. Для звёзд у неё есть специальный фотоаппарат, подаренный бывшим мужем. Муж этот – поэт, внешне похожий на Бродского. Собрать такую сумму ему было сложно, не имея постоянного места работы. Не вытерпев её насмешливого взгляда, он уехал в Петербург. Отрастил волосы в кудрявый хвост и перестал быть похожим на Бродского. Волосы оказались седыми и кудрявыми.

Мария, её подруга, 28 лет.

Маленькая, метр пятьдесят восемь, плавная походка, волосы струятся от головы до колен, если распускает, становится вся укутана ими, видны только узкие щиколотки. То, как она распускает волосы, люди увидели на свадьбе. Тот, кто мог видеть их каждую ночь, оказался приятелем того поэта, похожего на Бродского. Политический активист, добродушный парень, верящий в партию и преданность жены. Мужа пришлось бросить, он не хотел ехать в Москву, а в их маленьком городе не было свободных вакансий для кинологов. В Москве добилась многого. Про неё знают, её собаки высоко ценятся и участвуют в важных расследованиях. Как волонтер участвует в поисках пропавших без вести людей. Людей она спасает, но не любит. Прекрасно стреляет из чего угодно. Неоднократно побеждала на состязаниях по стрельбе из лука. Мне она кажется хорошей песней, мелодией, которая врезалась в память и про которую нужно непременно вспомнить, откуда она, чтобы жить дальше.

Майя, 22 года. Фигуристка. Умные золотые глаза, в коротких волосах живёт ветер. Писала про лёд и танец, ведя дневник

на ресурсе, посвящённом пищевым ограничениям. Её целью было сделать тройной сальхов, для этого надо было скинуть несколько очаровательных килограммов. Как только у неё получился сальхов, она перестала писать. У неё есть та степень ласковости кожи, улыбки и всего смешливого, которое хочется трогать, как ребёнка. Она любит читать Камю и Сартра. У неё первый разряд по шахматам и лёгкой атлетике.

Лиза, 26 лет. По образованию биохимик. За отличную учебу её отправили по обмену в Венгрию, где она очень скучала по родине два года. К тому же в учебной программе совершенно не было химии и биологии, почти всё время занимали венгерский и английский языки, к которым у Лизы было мало склонности. В Венгрию она взяла альт. В младших классах музыкальной школы её учили играть на скрипке, но скрипка оказалась мала под её высокий рост и длинные худые руки. От тоски по родине у неё началась бессонница, она рано просыпалась и не могла заснуть. Она шла в подвал общежития и там играла с 4-5 утра, пока часы на колокольне били семь длинных ударов и один короткий, что значило 7:30, завтрак. Преподаватель английского, сердобольная стареющая дама без детей, нашла ей учителя для подготовки в консерваторию и хлопотала о стипендии. Так Лиза попала в ученический оркестр. Была влюблена в их дирижёра, капризного гения с огромными мешками под глазами, имевшего уже третью жену, детей и много беспорядочных связей. Из-за дирижёра она уехала поступать в консерваторию в Вену и живёт там, давая уроки. Я пыталась слушать то, что она играет для себя в подвале, записи с телефона. Восхитительная какофония. Не представляю, как люди остаются в живых с таким в голове.

Олеся, 19 лет. Завитки волос выбираются из узла на затылке, падают на высокий светлый лоб. Правильные черты лица и тела. Свет и тень рисуют её тёплые подмышки, ямочки ключиц, полукружье рук с длинными пальцами... даже на фото в купальнике выглядит аристократкой. Учитя, по настоянию родителей, на кулинарном. Родители её стары и хотят, чтобы у дочери был всегда кусок хлеба, в прямом смысле. Единственное, что любит в своём учебном заведении, это то, что там кормят. Из-за наследственных проблем с

желчевыводящей системой на лице её часто можно увидеть мученическое, кроткое выражение. В периоды обострений худеет до синевы. Однажды устроилась подработать моделью в художественную студию неподалёку от училища. С тех пор не вылезает оттуда. Рисует чем придётся и что придётся. Художники, посещающие студию, делятся с ней карандашами, кистями, бумагой и печеньем. Учат рисовать и ругают на чём свет стоит. Ещё Олеся дружит со странным дебелим молодым человеком с клептоманией только для того, чтобы когда-нибудь написать о нём книгу. Одалживает ему деньги, обычно это пятьдесят рублей на проезд, а он возвращает ей их книгами, которые ворует в общественных читальнях. Набралась уже большая стопка – в основном история КПСС.

Настя, 29 лет. Работает в HR-департаменте большой компании. Длинные ноги, веснушчатое лицо, ровное горение зелёных глаз. Любит ночами ходить купаться голый, если погода позволяет. Участвует в инсталляциях исторических событий самых разных эпох. Может быть и боярыней, и сотрудницей СС. Прекрасно вышивает бисером и ткёт гобелены с лешими и русалками. Мечтает написать диссертацию по славянской культуре.

Ирэна, 30 лет. Акробат, раз в год уезжает на цирковые гастроли. Тонкая чёрная фигурка под куполом, вся в блёстках. Волосы светлые, запрокинутое лицо. Слишком накрашено на фото вблизи, как это водится у цирковых артистов. За белилами не видна живая тёплая жизнь и синяки. Подрабатывает на высотных работах. Реставрирует церкви, штукатурит здания торговых центров. У неё был парень, рокер и байкер. Два года назад он разбился, удирая от полиции. С тех пор Ирэна отворачивает лицо на фотографиях. Мотоцикл реставрировала и научилась на нём ездить. Никогда не гоняет, просто доезжает до работы. Ударилась в религию. В наушниках теперь вместо Judos Priest – Александр Мень. Приходя на службы, головы не поднимает, церковных текстов не понимает, представляет, видимо, его, Александра, – с топором в голове.

И Таня, 27 лет, орнитолог. Чтобы изучать птиц, она вместе с институтом приезжает на полгода в командировку на Куршскую косу. У Тани прямой нос, светлые

брови, как наметённый песок. На ней косынка, рубашка с плотными манжетами, штаны с резинками на щиколотках, всё от клещей.

Птицы попадают в сетку, которой затянуто полнеба. Певчие птицы летят над косою низко, когда их сдувает ветер. Таня проходит по широкому лабиринту до трёх сетчатых кабинок. Надевает перчатки и быстрым движением ловит. Несёт на станцию. Окольцовывает. Говорит туристам, что средний срок жизни любой птицы – год. Камера телефона, в которую я смотрю это видео, слегка трясётся. Мужской голос очень близко спрашивает: как же так, он слышал, что вороны живут по сто лет. «Вороны могут жить сорок лет. Даже семьдесят, – поправляет Таня. – Но в среднем птицы, которые здесь пролетают, живут год. У птиц тяжёлая жизнь. Голод, хищники, провода. Естественный отбор во время перелёта».

Маленькие птицы летят над Куршской косою, потому что им тяжело лететь над морем без отдыха. Потому что здесь есть еда и нет хищников. В конце видео Таня рассказывает о том, как тяжело приходится станции без достаточного финансирования. Туристы покупают сувениры.

Таня, как и я, занимается йогой. Интересно, у неё получается? Дышать ровно, смотреть внутрь себя? Знать о моём присутствии за камерой.

ПЛЕВАТЬ ОНИ НА МЕНЯ ХОТЕЛИ.

Мне казалось, я могу в интернете почти всё, но не существую для этих восьми девочек.

Они не реагируют. Ни на рекламу, ни на контент, ни на смс, ни на телефон.

Считают меня спамом.

Спам – это когда к тебе лезут с тем, чего ты не просишь.

Я несую им любовь. Я спам.

Из-за того, что курю, мне трудно даются дыхательные упражнения в йоге. Поэтому я подумываю бросить. Йогу. Я постоянно жду дня, когда Павел сообщит мне о прекращении сотрудничества. Жду со страхом и с надеждой. Со страхом – потому что мне кажется, что клеймо о том, что я не справилась, будет висеть на мне до конца жизни. А надежда – это облегчение. Если получу расчёт, завяжу. Мне вообще не стоило ввязываться в этот проект. Не стоило выбирать эту профессию. Ещё чуть-чуть, и

все поймут, что на самом деле я ничего из себя не представляю.

Мне надо заняться чем-то другим. Прекрасна, например, профессия инструктора, проводника в горах. Никакого интернета. С утра до вечера ты идёшь, поднимаешься на гору. Смотришь на красоту. Если ботинки хорошие, можно представить, что ноги идут сами, и рюкзак сам себя несёт. Ты летишь невысоко над группой, за тобой лес. В утренней дымке внизу заварены маленькие домики, расчерченные посадками поля, ленточки дорог... Камни держат тебя высоко надо всем, кривые стволы можжевельника светят рыжим. Ты достаёшь котелок и баллон с газом, завариваешь чай из собранных здесь же трав. Режешь складным ножом чёрный хлеб, вскрываешь рыбные консервы. Люди в горах с аппетитом едят то, к чему в городской жизни бы и не притронулись. Люди промокают насквозь, спят на земле и не болеют. Чем выше в гору, чем круче подъём, тем меньше они склонны задавать глупые вопросы и рассуждать. Их эго просто не успевает за ними подниматься.

Я сижу дома, завернувшись в плед. Холодно, до верхних этажей плохо поднимается горячая вода. Включаю телевизор, смотрю новости. «Смотрю» – не совсем верно. Уставилась на экран в одну точку и думаю про диктора. Думаю, что она, наверно, анорексичка. Из-под пиджака выглядывают, как обглоданные, кости ключиц, подбородок совсем маленький, по нему идёт еле заметный тик при слишком широких гласных.

* * *

Я решаю звонить Паше. Отказаться. Решаю и никак не могу решить. Мои глаза, наверно, похожи на глаза сумасшедшего, который смотрит новости в десять утра. Волосы так и остались всклокоченными после утреннего стояния на голове.

Паша звонит сам. По скайпу. Я вздрагиваю, смотрю почему-то, сколько времени. Совсем рассвело. Слышно, как отчаянно, на одной ноте гудят трубы во чреве многоэтажки. Сине-белым мерцает экран. На нём имя Павла.

– Ника, привет. Маша звонила тебе уже по поводу новых роликов для эскорт-промоушен? Это наши новые поставщики. Они берут на себя часть расходов по

рекламе с условием размещения среди анкет данных их моделей.

Я уже знаю, что пристальный взгляд Павла во время звонка – это иллюзия. Он бережёт глаза и всегда старается работать так, чтобы за ноутбуком было окно. Он смотрит в окно, а поскольку глазок камеры находится наверху экрана, как раз по центру, кажется, что смотрит в глаза. Мне нравится этот приём, и теперь я тоже его использую.

– Для проекта разве нужны дополнительные вложения?

– Нет, конечно. У нас рекордный срок выхода на окупаемость. Маржинальность 150%, ты большая умничка, я тебе постоянно об этом говорю.

Но мне интересно их предложение с точки зрения девчонок тоже, пусть будет новая кровь. Всё-таки как никак, профессионалки. А многие из наших – очаровательны, но неумёхи. Мне, надо сказать, уже пару приятелей жаловались. Видишь, такой популярный сервис у нас, что никаких «тайных покупателей» не надо, люди сами приходят...

Мне всё время кажется, что у Павла ещё добавилось седины. Она смотрится на нём, как серебро. В окно их офиса заглянуло солнце, и он сидит, обливаемый сиянием. Его глаза, как глаза змеи, смотрят бессонно. Я вижу, что он мог бы быть счастлив. Но вместо этого – богат.

– Тебя не беспокоит конкуренция?

– А что меня должно беспокоить? Брендинг наш. У них всё такое древнее, в плане методов. В худшем случае они визитки оставлять будут. Ну что такое визитки в современном мире? У нас мобильное приложение почти готово, Android выложат на бой в четверг, IOS на следующей неделе обещают. Программу лояльности запустим, персонализированные предложения, все дела. Тебе, кстати, интересно этим тоже заняться? Как у тебя с мобильным продвижением? Лично я бы предпочёл, чтобы всё было у одного человека.

– ...я, пожалуй, откажусь.

– Аа... А в чём проблема?

– Ни в чём.

– Слушай, ну начинается. Дело в деньгах? Я тебе давно предлагал процент от прибыли. Всё как минимум обсуждаемо.

– Проблема не в этом, Паш.

– А в чём?

– ...Паша, ты помнишь, зачем ты меня позвал?

– ...а что? Что ты имеешь в виду?

Я перевожу взгляд на чёрную дырочку вверху экрана, в глазок камеры. Пусть там никого нет, я знаю, пусть там только электроны и провода... но мне хочется быть честной. Мне хочется быть настоящей.

– Ты просил найти тебе жену.

– Ах, это...

Он откинулся на спинку стула. На экран теперь точно не смотрит. Рассеяно разглядывает что-то за окном. Он видит то же, что и я? Солнце размазанным пятном в белом небе, дым из трубы ТЭЦ. Яркие тени веток и водосточных труб на стенах домов. Сосульки над окнами верхних этажей – как стекло на просвет.

– Слушай, не надо об этом.

Он ссутулил плечи, сцепил руки под подбородком. Приблизил глаза к камере, говорит быстро, тихо, почти шепчет.

– Слушай, это была моя мечта, минута слабости. Я идиот. Я сам не знаю, что на меня нашло. Удивительно, что ты меня не послала с этим проектом. Ведь хотела послать, так? Ладно, не будем... Видишь, всё к лучшему.

Тут он откинулся назад и потёр висок, собрав тонкую кожу в складки. Как будто у него внезапно заболела голова.

– Когда два умных человека собираются... даже по самому бредовому поводу... всё равно получают деньги.

Он выдыхает с облегчением и смеётся. Разочарование засыпает меня, как сугроб. Я отворачиваюсь от экрана. Он видит только мой выбритый висок под волосами и блестящий белок глаза. Злость подступает не слезами – солью. Это какой-то грёбаный эгоизм, но я не хочу, чтобы он сдавался. Я хочу ту задачу. Я боялась, что Павел меня уволит за её невыполнение, но оказалось хуже. Он не верит в свою мечту. Не верит в меня. А делать деньги на проститутках, зашифрованных под сервис знакомств, – нет, простите, это совсем не то. Я не имею ничего против такого способа заработка, просто скучно. Скучно. Скучно.

– Паш, слушай... давно хотела тебе сказать, на самом деле... мне надо передать кому-то ведение проекта. Запуск состоялся, мы же договаривались вообще только на запуск в рамках той задачи...

– Ника, стоп. Ника!

– Павел, мне очень жаль.

Наступила весна, март. Я читаю книги и занимаюсь спортом. Йогу бросила, хожу в качалку. Присед 45 кг на 8 раз, тяга 50 кг 8 раз, жим 30 кг 3 раза, раз в неделю круговая. Продолжаю курить. Голос от этого портится, пою хуже. Когда работаю дома, сверху мне видно, как скалывают лёд на крышах. Парень в сером комбинезоне идёт, балансируя одной рукой, по наклонной поверхности. Плещет солнце. Парень ловко, как кошка, пробирается к самому краю, цепляясь за верёвку. Я восхищаюсь его работой. Летом он, наверное, в пещерах, или на скалах, или инструктор в горах.

Мне сложно стало подобрать одежду, выходя на улицу. Обманувшись солнцем, я надеваю лёгкое и мёрзну. Выхожу на Чистых Прудах. Иду бульваром. В центре, в старом городе, есть ещё старые дома, и память тянется невидимыми ниточками туда, назад, в прошлое. Из мартовского света идут в темноту несуществующие больше страны. Когда-нибудь нити от нас так же ослабнут, повиснут... во что? Во что-то. То, что будет здесь вместо бульваров, проспектов и набережных. Виртуальное пространство после нас, бесконечное и неощутимое. Может быть, смерть – тоже своего рода интернет?

Я выхожу из деревьев задворками обратно к муравейнику старых улиц. Здесь есть небольшой торговый центр, устроенный в здании, которое всегда предназначалось для магазинов. Окна кофейни выходят во двор, близко к небу. Я занимаю одно из мест около окна. Кресла отгорожены друг от друга книжными полками. Заказываю то же, что и в прошлый раз. Работаю. Музыка, как сердце, колотится негромко в глубине. Это старый и современный джаз. Обработка классики и несколько узнаваемых произведений других жанров.

– Зачем было играть так металлику, как думаешь?

Где-то поблизости завелась парочка. Сзади, за высокой спинкой моего кресла, их нет. Значит, сбоку. Есть здесь такие плетёные конструкции на двоих, с подушками и подвесным столиком, висящие прямо перед окном. Нехорошо, что они близко.

– А как бы ты стала играть металлику, моя радость?

Парочка зашуршала подушками и захихикала. Наверно, девушка показывает, как играет, держит воображаемый инструмент и строит рожицы. Судя по тому, как часто они смеются, их отношения находятся в той прекрасной фазе, когда счастье перегоняет любые другие эмоции и тормозит мозг.

– Нет, серьёзно, ты могла бы сыграть металлику на своём альте?

– Конечно. Но только один раз.

– Почему один?

– Потому что потом Михрюнич бы меня прибил.

Они опять отчаянно хихикают.

– Нет, ну что это такое. Ты же не на концерте его играть собираешься. Ты даже не в Вене. Он не может тебе всегда диктовать, что делать.

– Может.

Это сказано набитым смехом ртом. Возня явно становится жарче. Мужчина говорит сквозь сцепленные от нежности зубы:

– И где ещё он тебе приказывает, интересно?

В её хихиканье появляются страстные нотки.

– Ну Паш, ну хватит уже, ну Паш...

– И всё это из-за его длинной дирижёрской палочки, да? Ты его хочешь слушаться, да? А меня ты будешь слушаться?

«Лиза, 26 лет. По образованию биохимик. За отличную учебу её отправили по обмену в Венгрию, где она очень скучала по родине... из-за несчастной любви к дирижёру уехала поступать в консерваторию в Вену...»

– Паш, ну Паш...

...После того, как я отказалась от проекта сервиса знакомств с видеоанкетами, Павел Дрозд собрал команду под проект на удалёнке. Мобильное приложение быстро догнало и обогнало десктоп, как минимум удвоив дивиденды.

– Паш, неудобно, люди смотрят...

– Какие тут люди?

Из подушек в плетёном кресле высовывается лохматая седая голова. Рядом другая, гладкая, рыжая. Длинные тонкие руки поправляют волосы, она поворачивается, чтобы затащить хвост.

Девчонка – умница. Девочка – красавица. Таких поискать... А у него глаза – растерянные, как у мальчишки. Я приподнимаю чашку с капучино, как бокал, чокаюсь с пространством. С пространством, которое, играя, даёт возможности тому, кому вздумается, и отнимает их у того, кому хочется. Это была моя работа, чёрт побери.

Паша уже идёт ко мне, оставив девушку бултыхаться в подушках, как котёнка в корзинке. Он подходит близко и смотрит умоляюще. Вблизи особенно видно, как он счастлив.

– Это совсем не то, что ты думаешь.

У меня взлетает бровь. Я не смотрю на него. Отпиваю кофе.

– После того, как... в общем, после того, как ты ушла, я решил ещё раз посмотреть на кандидатов. Слонялся по улицам разных городов, искал их... Объездил кучу мест! Блин, ты не представляешь, что это было. Своим я

сказал, что у меня отпуск, а я никогда ещё не брал отпуск за всю карьеру... За Лизой пришлось ехать в Вену.

Он присаживается на ручку кресла и сияет волосами на солнце. Я смотрю на него и не верю своим глазам. Складываю ладони вместе под подбородком. Улыбаюсь.

– Я понял, что это мой человек, Ника. И всё. Я сам пришёл к ней. Я никому ничего не заказывал. Только купил цветы в ближайшем ларьке... и... и... пошёл знакомиться.

Я улыбаюсь.

– Я буду обязан тебе всю свою жизнь, Ника. Запомни. Я просто боялся своего счастья, боялся... сглазить и... и Лиза приехала, и... я просто забыл тебе потом позвонить...

Господи, я такая свинья, да?

– Да.